

Это уже не просто крушение привычной картины мира — это ощущение, что вся Вселенная должна схлопнуться прямо сейчас.

Линь Сань долго сидел неподвижно, не приходя в себя.

Пока наконец не спросил:

— Его можно прервать?

Эксперт опешил. Ван Яо мгновенно побледнел. Однако Линь Сань совершенно спокойно продолжил:

— Доктор, вы же видите, он только на первом курсе. Он сам еще ребенок, как он может рожать другого ребенка? Я считаю, это безответственно.

Ребенок Ван Яо появился не вовремя и явно был ошибкой. Линь Сань легко мог представить, как два вырвавшихся из-под родительской опеки подростка не смогли сдержаться и вкусили запретный плод. В тот момент они наверняка и не помышляли, что Ван Яо станет Омегой. Оба парни, если иногда не использовать презерватив — вроде бы ничего страшного. Вот эта самоуверенность и привела к появлению новой жизни.

— Аборт? — эксперт на мгновение задумался и сказал Линь Саню:

— Тело Омеги очень хрупкое. Но самое главное — судя по результатам обследования, ваш сын является «низкоранговым» Омегой. Если в этот раз прервать беременность, то не факт, что в будущем он вообще сможет иметь детей.

Линь Сань после этих слов окончательно погрузился в молчание.

Отец и сын вышли из больницы. Всю дорогу они молчали, пока Линь Сань не спросил:

— Ты не сказал Цинь Чжи о том, что стал Омегой и забеременел?

Ван Яо ожидаемо кивнул.

Три дня назад прямо во время занятий у него внезапно закружилась голова. Одноклассники экстренно доставили его в медпункт, где школьный врач после осмотра с сияющим лицом поздравил его: мол, он прошел дифференциацию и вдобавок забеременел. Ван Яо тогда просто лишился дара речи. В конце концов, в этом мире и Альфы, и Омеги встречаются крайне редко, и он никак не ожидал, что станет одним из них. Это событие стало для него колоссальным потрясением, вызвав такую панику, что он подсознательно сразу позвонил отцу.

«Если что-то случилось — зови папу». «Папа поможет». Эти две установки глубоко укоренились в сознании Ван Яо. А почему не сказал Цинь Чжи — можно ответить просто: он боялся. Боялся, что появление этого ребенка разрушит будущее Цинь Чжи.

Линь Сань больше ничего не сказал. Он отвез Ван Яо в отель, заставил его поесть и уложил спать. Едва пристроив старшего сына, Линь Сань тут же набрал номер Пекинского университета. Цинь Чжи как раз был в общежитии, так что связаться с ним удалось без труда.

— Дядя Линь? — с той стороны донесся радостный голос парня.

— Я в столице, есть срочное дело. Немедленно приезжай ко мне.

Цинь Чжи опешил:

— Но у меня днем еще...

— У тебя два часа времени, — отрезал Линь Сань и продиктовал адрес отеля.

«Неужели с А-Яо что-то случилось?» Повесив трубку, Цинь Чжи тут же позвонил в общежитие Ван Яо. Там дежурная тетушка сообщила, что Ван Яо взял отгул и вчера даже не ночевал в своей комнате. Услышав это, Цинь Чжи едва не встал дыбом. Ему уже было плевать на занятия. Он схватил велосипед однокурсника и как сумасшедший помчался по адресу, который дал Линь Сань.

Отель «Ваньхао», номер 808. Стоило Цинь Чжи войти, он увидел Линь Саня, стоящего спиной к нему у панорамного окна.

— Дядя Линь? — в панике спросил Цинь Чжи.

— С А-Яо что-то случилось?

Линь Сань обернулся и веско произнес:

— С ним действительно кое-что случилось. И дело это — из ряда вон выходящее.

После этих слов Цинь Чжи занервничал еще сильнее. Линь Сань холодно усмехнулся. Не тратя лишних слов, он швырнул диагностическую карту, где говорилось о дифференциации в Омегу и беременности, прямо в лицо Цинь Чжи.

Прошла минута... Пять минут... Десять минут... Цинь Чжи поднял голову. Лицо его было белым, губы дрожали.

Линь Сань спросил:

— Тебе какую ногу оставить — левую или правую?

У Цинь Чжи покраснели глаза, и Линь Сань решил: значит, можно любую.

Дальнейшая сцена была весьма насильственной. Кадры были настолько кровавыми, что детальное описание точно не пройдет цензуру. Единственное, что нам известно: Цинь Чжи за всё время не проронил ни звука, позволяя будущему тестю методично себя избивать.

— Я просил тебя присматривать за А-Яо, и вот так ты присматриваешь? — Вы взрослые люди, вы что, не знаете, что такое презервативы? — Он с таким трудом поступил в университет, а теперь беременный! Что ему теперь делать, скажи, что ему теперь делать?!

Цинь Чжи сжал губы, принимая на себя тяжелые кулаки Линь Саня. Его тело не чувствовало боли — болело сердце от жалости к А-Яо и грызущего чувства вины. Наконец, побои и ругань закончились.

Линь Сань спросил:

— И как ты собираешься это решать?

Цинь Чжи ответил честно:

— Я обязательно за всё отвечу... Дядя Линь, можно мне увидеть А-Яо?

Линь Сань глубоко вздохнул и всё же позволил. Избитый до синяков Цинь Чжи, прихрамывая, побрел в соседнюю комнату, где отдыхал Ван Яо. А Линь Сань тем временем сделал еще один звонок — на этот раз врачу Чжу.

— ...Вот такая ситуация, — снова уточнил Линь Сань.

— Ребенка правда нельзя убирать?

— В его случае я крайне не рекомендую аборт.

Линь Сань цокнул языком и вцепился в волосы:

— Ну как так-то! Жил-был нормальный парень, и вдруг — раз и превратился!

— Ну, такие вещи обычно проходят через процесс трансформации, это не случается в один миг. У него за последние год-два бывали периоды беспричинной температуры, потери аппетита или подавленного настроения?

Линь Сань задумался. И правда, он вспомнил, что в одиннадцатом классе у Ван Яо был период, когда он был сам не свой. Но тогда отец списал это на стресс перед экзаменами.

— Послушай... а ты не могла бы подробнее рассказать мне про эти О и А... — Линь Сань кашлянул.

Его старая картина мира была разбита вдребезги и нуждалась в срочной реконструкции. Доктор Чжу была терпелива, и вскоре Линь Сань впитал немало «знаний». Феромоны, гон, течка, совместимость, железы, метки... В итоге мировоззрение не только не восстановилось, но, кажется, рассыпалось еще сильнее.

— ...То есть ты хочешь сказать, что если Альфа и Омега идеально подходят друг другу по феромонам и у них наступает период течки...

— О-о... — Доктор Чжу на том конце провода усмехнулась и добавила:

— Тогда это гарантированный взрыв! Как искра и порох, как хищник и добыча!

Линь Сань с каменным лицом вспомнил ту самую ночь в Хайчэне. Если подумать, в тот день он тоже шел себе по улице, а потом внезапно почувствовал запах, от которого голова пошла кругом, а рассудок просто испарился... Черт возьми, он тогда думал, что в него вселился бес, а это, оказывается, были феромоны! И ведь никто другой их не чувствовал, только он.

— Ты тоже не слишком вини детей, — убеждала его доктор Чжу.

— Молодые Альфы и Омegi во время «постельных упражнений» часто бывают чересчур неистовыми, рассудок в такие моменты практически отключается. Когда страсть бьет ключом, а феромоны вовсю выделяются, в голове будто тридцать пять тысяч дырок просверлили — кто в такой ситуации вспомнит про какие-то презервативы?

Линь Сань подумал: «Поздно вы мне это говорите, доктор, я его уже отделал».

Через сорок минут в дверь постучали, и в комнату один за другим вошли дети. Глаза Ван Яо были красными от слез, и на Линь Саня он смотрел с изрядной долей обиды.

Зато Цинь Чжи, едва переступив порог, без лишних слов «плюхнулся» на колени и выпалил: — Дядя Линь, прошу вас, позвольте нам с А-Яо пожениться.

Линь Сань холодно усмехнулся:

— Даже если я позволю, закон не позволит. Вы по возрасту не вышли, ясно?!

— Сначала решим вопрос с ребенком, — сказал Линь Сань.

— Что планируете делать?

— Оставить, — ответил Цинь Чжи.

— Я возьму академический отпуск на год и буду всем сердцем заботиться об А-Яо.

— Нет! — Ван Яо, этот влюбленный по уши дурачок, услышав такое, тут же с красными глазами выступил против.

Линь Сань привык подходить к делам методично. Раз побил — значит побил, пар выпустил, и теперь попрекать бесполезно, нужно думать о будущем. Ситуация такова: аборт Ван Яо делать нельзя, да и по его виду было понятно, что он сам этого не хочет. Значит — ребенку быть.

Что касается учебы... Придется Ван Яо брать академ. Ничего не поделаешь, не может же он ходить на занятия с животом! Линь Сань озвучил свои мысли. Ван Яо хоть и было жаль прерывать учебу, но он понимал, что сейчас важнее всего, поэтому решительно согласился.

А Цинь Чжи... пусть лучше остается в Юаньцзине и учится, потому что Линь Саню сейчас тошно на него смотреть!!!

— Как только сдам сессию, сразу... сразу пойду оформлять документы, — всхлипывая, произнес Ван Яо.

Цинь Чжи обнимал его, со слезами на глазах:

— А-Яо, прости меня, это всё моя вина.

Он лучше всех знал, как отчаянно А-Яо стремился в университет, а теперь ему придется отложить учебу и, возможно, поставить под удар будущее ради того, чтобы родить их ребенка... Это был его грех.

Глядя на эту крепко обнимающуюся и рыдающую парочку «несчастливых влюбленных», Линь Сань невольно почувствовал себя суперзлодеем из какого-нибудь сериала.

Но ведь ему самому сейчас тоже дико хотелось плакать, ясно?! Он возвел глаза к небу и тяжело вздохнул. Кто бы мог подумать: он, Линь Сань, еще так молод, а уже скоро станет дедом!

---

Когда Цинь Чжи, прихрамывая, вернулся в кампус, было уже поздно. Соседи по общежитию, увидев его покрытым синяками и ссадинами, перепугались и хором начали требовать вызвать полицию. Цинь Чжи покачал головой и твердо заявил, что не нужно.

Этой ночью он не сомкнул глаз. На душе было тяжело, но в то же время в сердце невольно

росло чувство ответственности. Выбирая путь вместе с А-Яо, он был внутренне готов к тому, что у них никогда не будет детей. Но кто бы мог подумать — А-Яо дифференцировался и забеременел... При этой мысли Цинь Чжи накрыло волной тонкого, невыразимого счастья.

Для человека, выросшего без родителей и жившего только с бабушкой, глубоко в душе, возможно, таилось неистовое желание иметь кого-то, связанного с ним кровными узами. Их с А-Яо плоть и кровь. «Я научусь быть хорошим папой. Я сделаю всё, чтобы наш ребенок был счастлив». В этот момент Цинь Чжи окончательно принял решение.

<http://bllate.org/book/16514/1503055>